нападение на Русское государство польско-шведских интервентов в начале XVII в., он особенно указывает на заслуги адресата в отражении этого нападения: «Дал нам бог, — пишет он, обращаясь к адресату, — вас крепких и нелестных побарателей, что отгнали от нас таковых злых и немилостивых наругателей». Далее, адресат — воевода, который никогда не бывал «побежден на бранех» (283); военные подвиги адресата, «аки труба, вопиют всегда», он не щадит «лица своего противу сопостат никогда», многие люди удивляются его «мужественному храбръству» и радуются, что бог «принес» его к «великому государству» (9—11, 29—30, 34—60, 114—115, 294—297). Шаховской также указывает, что адресат — человек добродетельный, твердый в православной вере, милосердный ко всем, отзывчивый и щедрый к обращающимся к нему за помощью и слава о нем добрая и хвала «идет явно везде» (20, 116—120, 123—135, 138—141, 227). Наконец, в послании упоминается, что адресат был близок к царскому двору (300, 301).

Очевидно, адресата публикуемого послания князя С. И. Шаховского надо искать среди тех лиц знатного происхождения, близких к царю, с которыми Шаховской вместе служил во время польско-шведской интервенции. Из таких лиц известны князья Черкасские — Дмитрий Мамстрюкович и Иван Борисович и князь Дмитрий Михайлович Пожарский. О совместной службе с ними Шаховской упоминает в своих «Домашних записках».²⁹

Оба князя Черкасские отличались знатностью происхождения, богатством, были близки к царю Михаилу Федоровичу по родству и занимали при царском дворе высокое положение.³⁰ Однако наше послание не может быть адресовано ни Д. М., ни И. Б. Черкасским, потому что ни к одному из них не подходит изображение в послании адресата как военачальника, прославленного в боях, не бывшего никогда побежденным «на бранех». Кроме того, оба Черкасские были бездетны, тогда как в послании упоминается супруга адресата «со чады» (302).

Адресатом послания скорее всего был князь Д. М. Пожарский. Потомок князей стародубских, он принадлежал по своему происхождению к «светлым и благоплеменитым», как об этом говорит автор послания. Выдающаяся роль Д. М. Пожарского в борьбе с польской интервенцией и его личные качества также соответствуют характеристике, даваемой автором послания его адресату. Показательно и следующее замечание автора: обращаясь к своему адресату, он выражает надежду, что адресат поможет ему в его «убожестве и сиротстве» «словом», т. е. ходатайством перед царем, но тут же добавляет: «И вижу, чтоб ми еси, государь, и помог, но не возьмет твоя мощь» (176, 179—185). Как известно, Д. М. Пожарский после воцарения Михаила Романова был оттеснен от царя его родственниками и поэтому не имел при дворе большого влияния.

Из биографии князя Д. М. Пожарского известно, что он строил церкви, делал вклады в монастыри, т. е. слыл человеком религиозным и набожным. Поэтому к Д. М. Пожарскому целиком могут относиться те стихи в послании, в которых Шаховской отмечает у адресата «совершенную добродетель к богу и душевное богатство» (20), а также говорит, что знает адресата как человека «верного к богу и правдою аки адаманта твердаго» (227). Вряд ли можно сомневаться в том, что Пожарский, будучи

²⁹ Домашние записки князя Семена Шаховского, стр. 65, 68.

³⁰ О князьях Д. М. и И. Б. Черкасских см.: РБС, «Чаадаев—Швитков», стр. 210—216.